

Германия и Россия – взгляд немецкого националиста

Вторая мировая война, тяготы и лишения немецкого народа на оккупированных советскими войсками территориях, последовавшая затем «холодная война», и опасения, что и западная часть Германии может оказаться под пятой коммунистов – все это привело к отчуждению между немцами и русскими. Поэтому мне кажется правильным, если мы начнем с исторического экскурса, и посмотрим, как складывались отношения между нашими странами на протяжении последних столетий.

Россия подключилась к центрально-европейским событиям в ходе так называемых разделов Польши, которые были проведены в 1772, 1793 и 1795 годах соседними с ней государствами: Россией, Австрией и Пруссией. Я намеренно употребляю словосочетание «так называемых», ведь Польша – вплоть до третьего раздела – теряла в результате те земли, которые изначально достались ей путем завоевания и порабощения других народов. В ходе этих разделов Россия получила почти вдвое больше земель, чем Пруссии и Австрии вместе взятые, но их исконное население составили по преимуществу украинцы, белорусы и литовцы, причем последние всегда охотно меняли русский суверенитет на польский. В ходе первого и второго разделов в состав Пруссии вошли территории, населенные в подавляющем большинстве немцами, и лишь раздел 1795 года можно рассматривать как, собственно, раздел Польши. Стремясь восстановить образ Речи Посполитой, польская пропаганда представляет все эти «территориальные сдвиги» как «раздел» страны, более того: даже в немецкой исторической литературе, когда речь заходит о передаче Пруссии земель, населенных немцами, подобная интерпретация событий не редкость.

А вот Пруссии, Австрии и России согласованные действия всегда шли только на пользу. Не секрет, что отпрыски родовитых немецких и обрусевших остзейских семейств часто занимали высокие должности в русской армии, немецкие мастера принимали активное участие в строительстве Петербурга, а царская семья крепко породнилась с немецким дворянством.

Скорее злой язык Фридриха Великого – но не структурные различия между нашими странами – стал причиной участия России в семилетней войне против Пруссии. Впрочем, сразу же после смерти императрицы Россия выходит из анти-прусской коалиции, спасая тем самым Фридриха от бесславного поражения.

Военные столкновения имели место и позже, но не по воле немецкой стороны: так немецкие войска под давлением Наполеона, который до этого покорил Германию, принимали участие во взятии Москвы, при этом большинство из них сгинуло без следа. Поворот произошел в декабре 1812 году, когда прусский генерал Ганс фон Йорк на свой страх и риск и без ведома короля заключил Таурогенскую конвенцию с русским генералом Иваном Дибичем. Согласно этим договоренностям Прусский вспомогательный корпус вышел из состава Великой армии Наполеона, и был объявлен нейтральным. Два месяца спустя Пруссия заключает военный союз с Россией против Франции, создавая тем самым необходимые условия для поражения Наполеона в Битве народов (Лейпцигское сражение 1 янва-

ря 1813 года), а затем и в битве при Ватерлоо двумя годами позже. Россия не принимает участия во франко-прусской войне 1870 – 1871 годов, которая велась между Францией, с одной стороны, и Пруссией, а также другими государствами Северо-Германского союза и Южной Германии (Баварией, Вюртембергом, Баденом, Гессен-Дармштадтом) – с другой. Тем самым Россия фактически способствует объединению Германии: с разгромом Франции были устранены внешние причины, затруднявшие объединение нашей страны. В ноябре 1870 года между Северо-Германским союзом и южно-германскими государствами были подписаны союзные соглашения, а 18 января 1871 года в Версале была провозглашена Германская империя. Анти-германским устремлениям Франции, направленным в течение последних 900 лет на разобщение германских земель, был положен конец. Бисмарк, воспользовавшись просчетами французской внешней политики, обеспечил выгодный Пруссии нейтралитет европейских держав – России, Великобритании, Австро-Венгрии и Италии. Война началась в невыгодной для Франции обстановке, связанной с дипломатической изоляцией и отсутствием союзников. Великобритания, поначалу приветствовавшая процесс объединения Германии, к началу нового столетия изменила свою позицию: напуганная невиданным подъемом немецкой экономики и ростом конкуренции со стороны немецкого государства, она начинает прилагать максимальные усилия, направляя их на изоляцию Германии. Имперскую политику Великобритании всегда отличала одна особенность: умение найти и поддержать вторую по величине силу в ее борьбе с первой. Так англичане поддержали в свое время Фридриха Великого в его столкновениях с Австро-Венгрией и Францией, по этой же причине они приветствовали вступление Пруссии в войну 1870 года: на тот момент Франция действительно была самым мощным государством Европы, но к середине 90-х годов положение изменилось, и вот Англия уже союзник Франции. Договориться против Германии им оказалось просто, гораздо сложнее оказалось найти общий язык с Россией, которая имела свои интересы не только в Индии (и уже поэтому представляла собой потенциальную опасность для англичан), но и в северо-восточном Средиземноморье, через которое проходили основные транспортные артерии, связавшие английскую метрополию с колониями. Предпосылки для создания военно-политических блоков между Россией и Англией были, как видим, не особенно благоприятны.

С другой стороны, распространение идей панславизма среди славянских народов привело к тому, что первый Славянский Конгресс, который состоялся в Праге в 1848 году под руководством Яна Палаки, выдвинул требование о вытеснении немцев, проживавших восточнее линии Штеттин – Триест, на их исконные территории в течение ближайших ста лет. Панслависты требовали отчистить русскую армию от немецкого влияния, камнем преткновения стала и многонациональная Австро-Венгрия: австрийский кайзер, который исповедовал в национальной политике идеи всеобщей свободы, воздерживался от германизации, что иногда принимало гротескные формы: так немцы на территории Венгрии, подвергшиеся венгриязации, уже не рассматривали себя как «оплот германства», зато сербские сербы всегда стремились к объединению с сербами Черногории и Герцеговины – совершенно естественное и понятное желание. Межнациональные различия в империи Габсбургов обострялись, а сама страна все больше уподоблялась бочке с порохом. И все-таки Бисмарк считал необходимым сохранять верность этому единственному надежному союзнику Германии в любых обстоятельствах: в состав Тройственного союза, который сложился в 1879 – 1882 годах, помимо Германии и Австро-Венгрии входила и Италия, но тот факт, что часть населения Австро-Венгрии была италияязычной, делал конфликт между этими странами неизбежным – это со всей ясностью итальянцы и продемонстрировала, вступив в

1916 году в мировую войну на стороне противников Тройственного союза. Что касается позиции германской стороны на случай возможного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, то ни для одной из сторон она не была секретом: сохранять нейтралитет Бисмарк не собирался. Мольтке в этом вопросе придерживался диаметрально противоположной точки зрения: Германии необходимо оставаться нейтральной – это ускорит падение и раздел Австро-Венгрии, но Россия в результате получит доступ к славянским землям Средиземноморья (автоматически становясь противовесом британскому влиянию в этом регионе); немецкие части Австрии вернуться наконец в состав Германской империи (так, как они желали того в 1919 году), а процесс формирования Рейха будет наконец завершен. Изоляция Германии, как это случилось позже, боевые действия на два фронта в ходе Первой мировой войны против России и Франции, да и сама война – всего этого можно было избежать.

К сожалению, позиция Мольтке не возобладала и война все-таки началась. Россия ввязалась в нее, следуя идеалам панславизма: движимая этими идеями она стремилась вырвать славян Австро-Венгрии из объятий монархии Габсбургов. Франция – как и всю последнюю тысячу лет – следовала в русле своих германо-ненавистнических воззрений, при этом вопрос об Эльзасе и Лотарингии – исконно немецких землях – послужил лишь поводом, который развязал французам руки. Великобритания, напуганная нарастающей экономической мощью Германии, руководствовалась исключительно своим хозяйственным интересом. Поводом для начала военных действий послужило убийство сербскими масонами австрийского престолонаследника, причем Сербия взяла убийцу эрцгерцога под свою защиту [**прим. пер.: убийство произошло 15 июня 1914 года в Сараево – в тот же день в станице Нагутская Ставропольской губернии, в семье Владимира Андроупо и Евгении Файнштейн, родился Юрий Андропов, впоследствии видный советский государственный и партийный деятель**]. Сербия, ощущая за собой поддержку русских, на уступки не шла, Франция и Россия начали мобилизацию, а Англия объявила войну Германии и Австро-Венгрии – так карательная операция против сербов переросла в мировую войну. Главным итогом этой войны стала потеря русскими и немцами своих империй, а Германия при этом потеряла еще и Австрию. В 1916 году при содействии Германии и Австро-Венгрии было вновь образовано польское государство – необходимое мероприятие по созданию нового союзника – впрочем, акция эта успехом не увенчалась: поляки воспользовались поражением Германии и заняли немецкие провинции Гренцмарк Позен-Вестпроеисен и Верхнюю Силезию. Нарушая право немецкого народа на самоопределение, они либо уничтожали коренное немецкое население, либо сгоняли немцев со своих исконных земель. Похожая ситуация сложилась и на Востоке: там поляки, пользуясь поддержкой Франции, оккупировали украинские и белорусские земли. Сопrotивление, которое им при этом оказывала Россия, оказалось недостаточным, и эти земли в конечном итоге отошли под контроль Польши. Говоря иными словами, Польша попросту воспользовалась слабостью России, которая была вызвана революцией и гражданской войной. Ситуация изменилась после подписания бессрочных Рапалльских соглашений (16 апреля 1922 года), в соответствии с которыми Россия и Германия взаимно отказывались от претензий на возмещение военных расходов и невоенных убытков, и договаривались о порядке урегулирования разногласий между собой... Результаты не заставили себя ждать: несмотря на различия в идеологии наших стран, Рейхсвер смог вскоре не только испытывать свою новую технику на русских полигонах, но и проводить обучение личного состава силами русских военспецов. По условиям Версальского мирного договора от 28 июня 1919 года – в границах своей собственной страны – немцы на это права не имели.

После прихода к власти НСДАП в 1933 году это сотрудничество было прекращено. В то же время, мало кто знает, что и в самой Германии имели место различные взгляды на вопрос о сотрудничестве с большевистской Россией.

Наиболее видным представителем одного из них был Розенберг, для которого СССР всегда оставался «советской Иудеей». Вместе с тем, его отношение к России и к русским, с многими из которых он был знаком лично, всегда было отмечено теплотой: хорошо известны его усилия на посту министра по делам восточных территорий по налаживанию конструктивных и добрососедских отношений между немцами, русскими и украинцами. Кто знает, как сложились бы отношения между нашими народами, если бы не такие деятели, как гауляйтер Кох, который придерживался совсем иных взглядов в этом вопросе... Что касается взглядов Розенберга на советскую составляющую русской истории, то они были недалеко от истины: советское руководство (включая Сталина) имело к русским, по его мнению, весьма малое отношение – ведь оно находилось преимущественно в еврейских руках. Понятно, что сотрудничество между Россией и Германией, учитывая, с одной стороны, идеологию НСДАП (а антисемитская направленность этой партии нам известна), и, с другой, наличие семитского элемента в высших эшелонах власти Советского Союза, вряд ли было возможным, даже если бы русские и высказали пожелание о таком сотрудничестве.

Собственно, достаточно ознакомится со скрупулезным исследованием Иоханнеса Рогаллы фон Биберштайн «Иудейский большевизм – миф и реальность» (Antaios, 2002), чтобы убедиться: понятие «иудео-большевизм» – это не фикция, но данность, истинность которой подтверждена руководящей и направляющей ролью еврейства в большевистских делах.

Но еще в 20-х годах прошлого века отношение к этому вопросу среди немецких национал-социалистов было иным. Так граф Ревентлов высказывался в пользу союза Германии и советской России. В выпуске журнала «Национал-социалистические письма» от 1 января 1929 года, в статье «Национал-социализм и окружающий мир. Размышления о внешней политике национал-социалистов» он писал следующее: «Большевизм не должен пугать, а что касается евреев, то на текущий момент, за исключением, пожалуй, Италии, нет другой силы в Европе, где бы евреи имели меньшее право голоса, чем в России». В этой же статье он указывает на то, что если свобода Германии потребует от Гитлера заключить пакт пусть даже с самим дьяволом, тот пойдет на это. Россия – это противовес силам Запада, она – противник Польши, которая тяготеет к Западу, и, следовательно, Россия – противник Запада. Обе мировые державы направляют свои усилия на то, чтобы вырвать Украину из поля притяжения России и, тем самым, лишить Россию не только ее естественной житницы, но и морских ворот на Юге. Вскоре после этого Отто Штрассер в статье «Интервенция в Россию и интерес Германии» («Национал-социалистические письма» от 15 апреля 1929 года) указывал на то, что союз с мировыми державами, цель которого анти-большевистский крестовый поход – что бы ни говорил по этому поводу канцлер Штрэземанн – не в интересах Германии. Единственная цель немецкой внешней политики на ближайшие годы – это отмена версальских ограничений и исправление того ущерба, который эти ограничения нанесли немецкой экономике. Вот почему противодействие должно быть направлено в первую очередь против Великобритании и Франции, вот почему для Германии жизненно важной является поддержка России в ее оборонительной войне

против сил Запада – независимо от форм политического правления, которые в этой стране утвердились. Ведь интервенция Антанты – это в равной степени и война против свободы Германии, и против будущего Германии. «Национал-социалистические письма» давали положительную оценку прежде всего тем шагам СССР на международной арене, которые были направлены против Запада. Доктор Геббельс, впоследствии министр пропаганды Третьего Рейха, в выпуске журнала от 15 ноября 1915 года писал: «Мы смотрим в сторону России потому, что она скорее других вступит вместе с нами на путь социалистического строительства. Россия – это наш естественный союзник, данный нам самой природой, союзник в деле борьбы с дьявольскими искушениями и разложением, которые несет Запад». В 1932 году Геббельс, следуя этим словам, принимал участие (вместе с немецкими коммунистами) в организации забастовки берлинских транспортников, а позже националисты и коммунисты совместно вынесли вотум недоверия правительству Германии – и это несмотря на то, что сотни немецких национал-социалистов были физически уничтожены приверженцами коммунистической идеи.

Анти-западные настроения в немецком обществе возникли не на пустом месте. Еще до начала Первой мировой войны Артур Мёллер ван ден Брук, видный немецкий анти-западник и категорический противник марксизма-большевизма, выдвинул тезис о «молодых» народах, бросающих вызов одряхлевшей, неповоротливой Европе – к их числу он относил немцев и русских [прим. пер.: эту мысль впервые высказал Достоевский, с произведениями которого ван дер Брук, пользуясь поддержкой супругов Мережковских, знакомил в свое время немецких читателей. Благодаря их совместным усилиям, имя этого русского писателя стало в Германии поистине культовым]. Так в статье «Третий Рейх и молодые народы» (см. «Вечный Рейх и молодые народы», том 1, 1933, стр. 327 – 328) ван ден Брук указывал на то, что «и у русского народа есть эта сила: она таится в его дремлющей массе, в ее неясных движениях, смысл которых – великая и добровольная уступка собственного «я» чистой и светлой жизни, к которой стремиться русская душа». В своем программном произведении «Третий Рейх» (1931) автор подверг резкой критике те реакционные силы в Германии, которые заявляли о своей готовности «стать наемниками Антанты, чтобы бороться – всеми доступными способами – с большевистской Россией. Но противостояние с русскими означало тогда гражданскую войну в самой Германии. А ведь никакое освобождение народа невозможно, если в тылу идет гражданская война! Реакционер слишком далек от реальных проблем, он не в состоянии понять, что наш путь – это великое противостояние народов Востока в их борьбе с Западом, народов, ставших на путь социализма, в их борьбе с теми, кто исповедует либеральные ценности, всех тех, кто в едином порыве смог объединиться против Франции, несущей нам лишь помутнение рассудка» (стр. 240). И далее: «Мы не должны идти тем путем, который нам предлагает либеральный Запад: индивидууму мы обязаны противопоставить общность нации, распаду и атомизации народа – его единение» (стр. 115).

Что касается внешнеполитического курса, который Гитлер избрал после 1933 года, то он тоже выглядел иначе, чем принято считать. Речь не шла о завоевании «жизненного пространства в Украине» – у Германии не было и нет общей границы с Украиной, да и с Россией тоже нет. Утвердиться в относительно малонаселенных восточных областях немцы могли исключительно за счет Польши и Чехии. В «Моей борьбе» Гитлер справедливо указывал на то, что наибольшую опасность для нас представляет война на два фронта: такого развития событий следует избегать всеми силами. Веймарская республика никогда бы не признала аннексию Польшей немецких провинций Гренцмарк Позен-Вестпронсен и

Верхней Силезии, на территории которых под польским владычеством оказалось до 2 млн. немцев. Вот почему в 1934 году Гитлер пошел на союз с маршалом Пилсудским – угроза Германии, по мнению Гитлера, исходила в первую очередь от СССР, который оказался в руках международного еврейства, а союз с Польшей был необходимым шагом на пути создания анти-большевистской коалиции. Коммунисты представляли собой – наряду с 500000 немецких евреев – самую крупную и наиболее международно интегрированную часть населения страны: вспомним события 1919 года, Баварскую советскую республику, вооруженные восстания коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Рурской области. В ходе последних выборов, в которых коммунистам удалось принять участие, свои голоса им отдали миллионы немцев. Понятно, что эта – в потенциале – пятая колонна Сталина могла при необходимости легко встать под его знамена. Понятна и готовность Гитлера идти на уступки полякам – со времен Первой мировой войны ни одно немецкое правительство не проявляло такой мягкотелости: референдум по Западной Пруссии – как и ожидалось – открыл бы полякам экстерриториальный выход к Гдыне, которая оставалась в руках Польши, и к морю; если бы референдум завершился в пользу Польши, то Германия получала экстерриториальный коридор, который связал бы ее с Восточной Пруссией, а Данциг (доля немцев в населении этого города составляла 98 %) вернулся бы в состав Рейха. Дружественный настрой официального Берлина к Польше хорошо демонстрируют учебные материалы доктора Лея (№ 4, 1939), которые появились в печати в марте 1939 года под заголовком «Раса как судьба народа»: рядом с портретами генерала Франко и Бенито Муссолини мы видим фотографию маршала Пилсудского и министра иностранных дел Польши Бека; ниже автор дает необходимый комментарий: «Освободители Польши от большевизма Ленина-Троцкого» [прим. пер.: **Лей, Роберт – в те годы рейхсляйтер, заведующий Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта**]. Но полякам вновь изменило чувство реальности: так по заказу маршала Рудзь-Смиглы летом 1939 года был изготовлен его портрет, на котором он изображен победителем Германии, который, задрав нос, ведет польских солдат победным маршем сквозь Бранденбургские ворота... Находясь в плену великопольских мечтаний, переоценивая свои собственные силы и, без всяких на то оснований, рассчитывая на поддержку Великобритании и Франции, поляки отклоняли возможность любого компромисса, оценивая даже возвращение Данцига в границы Рейха как акт агрессии и повод к началу военных действий против нашей страны. После того, как Сталин совершил в Кремле необходимые кадровые перестановки, Гитлер согласился на переговоры и на заключение (23 августа 1939 года) пакта о ненападении и взаимопомощи, чего раньше делать не собирался [прим. пер.: **3 мая 1939 года Литвинов был снят с поста наркома СССР по иностранным делам и заменен русским Вячеславом Молотовым; в том же 1939 году был отстранен от должности секретаря ЦК ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович**]. После этого Россия смогла получить обратно свои украинские и белорусские земли по эту сторону линии Керзона – до этого они находились под контролем Польши [прим. пер.: **линия Керзона, условное название демаркационной линии, определившей в период между двумя мировыми войнами восточную границу Польши**]. Германия же смогла не только прийти на помощь немцам, которые, находясь за ее пределами, систематически подвергались гонениям и истреблению, но и вернуть исконные немецкие земли в состав Рейха.

Заключая пакт с Россией, Гитлер играл по-честному. В обмен на поставки сырья Советы получали новейшее немецкое вооружение, как-то: тяжелый крейсер «Зейдлиц», подводные лодки, которые нам самим были нужны (в Бремене судостроительная верфь «Дешимаг» перешла на выполнение заказов из СССР). Специалисты из России совершали

ознакомительные экскурсии на немецкие военные предприятия. Впрочем, продукция танкостроительных заводов их не заинтересовала, от закупок они воздержались. Причина этого нам стала ясна позже: бронетехника русских в целом и, в частности, танки KV 1, KV 2 и Т 34, которые немцам не показывали, по своим тактико-техническим характеристикам значительно превосходила наши аналоги. Иначе обстояли дела с люфтваффе: русские инженеры проявили живейший интерес к серийным и опытным образцам наших боевых машин. По их просьбе им были продемонстрированы изделия авиастроительных предприятий Мессершмитта, Дорнье, Юнкерса, Хенкеля – ME 108, ME 109 E, ME 110 C, ME 209, DO 215, JU 88, HE 111 – и многие другие перспективные модели, частью еще даже или не сошедшие с чертежных досок, или находящиеся в стадии экспериментальных разработок. Более того: русские могли не только покупать эти машины (разных моделей, по два, три образца, а иногда и больше), наши разработчики предоставили в их распоряжение всю необходимую техническую документацию, образцы двигателей и отдельных частей, стрелкового вооружения и навигационного оборудования, и даже образцы противотанковых орудий и зенитной артиллерии. Понятно, что страна, которая готовится к нападению на Советский Союз, вряд ли стала вести себя так открыто по отношению к своему потенциальному противнику. Здесь следует учитывать и демографический фактор – уровень рождаемости в Германии был недостаточно высок. Иными словами: к чему нам «жизненное пространство» в Белоруссии и Украине, если вновь присоединенные части Рейха, которые до 1914 года были нашими, мы не можем заполнить немцами, а для германизации Польши нам потребуется как минимум лет 200? Разумеется, Советы немцам свою новейшую технику не показывали, не говоря уже о продажах... Думается, что Сталин уже тогда был готов сыграть свою роль на Востоке – после того, как Германия ввяжется в войну на Западе. И только осенью 1940 года, когда на наших восточных границах сосредоточилось до 140 советских дивизий, которым противостояло 10 немецких, Гитлер стал проявлять недоверие.

Имея за спиной такой железный кулак, Молотов выдвигал требования, которые иначе как шантажом назвать трудно: аннексия Финляндии и, в перспективе, выход СССР к сырьевым запасам Швеции, которые имели для военно-промышленного комплекса Германии стратегически важное значение, захват нефтяных месторождений в Румынии, которые, если не считать поставок из России, были для нас единственным источником этого сырья и проч. В Сербии, которая заключила с Германией договор о сотрудничестве, Советы инсценировали антиправительственный путч, да и в целом проводили достаточно антигерманскую политику. Гитлер не без оснований опасался удара в спину: после начала боевых действий против Великобритании, Сталин вполне мог развязать войну на Восточном фронте. Для того, чтобы нейтрализовать эту угрозу, Гитлер планировал начать войну с Россией в 1941 году – как мы знаем сегодня, его опасения были вполне обоснованны. Сталин серьезно готовился к первому удару, нанести который он собирался 6 июля 1941 года – мы знаем об этом не только из книг Виктора Суворова. Серьезные немецкие историографы тоже уделяют этой теме большое внимание – достаточно вспомнить исследования Гофмана или книгу Герда Шульце-Ронхофа «У войны много отцов». Образно выражаясь, немецкая военная инициатива оборвала речь Сталина на полуслове: вот откуда такое количество советских военнопленных в первые дни войны, вот откуда горы трофейного оружия и боеприпасов – к превентивным мерам с нашей стороны кремлевский вождь готов не был. По словам Гитлера, решение о начале боевых действий на Востоке было самым непростым в его жизни: ведь война на два фронта, которую теперь придется вести немцам, была именно тем, от чего Гитлер всегда стремился уберечь Германию; с другой стороны,

он со всей ясностью понимал, что стоит русским запустить паровой каток своей военной машины, и их уже ничем не остановишь. Немецких военнопленных красноармейцы, как правило, убивали на месте – никто их не винит, ведь они выполняли приказ своих комиссаров. В качестве ответной меры, немецким бойцам было дано указание в плен комиссаров не брать. Благодаря отваге и стойкости русского солдата, благодаря переводу экономики СССР на военные рельсы (еще до начала войны), благодаря помощи, которую Советам оказывали Соединенные Штаты в плане обеспечения тыла и поддержки военно-воздушных сил (да и одних только грузовиков подарили больше 300000 единиц), благодаря распылению сил, на которое Германия, ведущая войну на несколько фронтов, была обречена – благодаря всему этому Красная армия дошла до Берлина и оккупировала значительную часть нашей страны. Что касается немецкой оборонной промышленности, то в ее уничтожении, как мы хорошо знаем, основную роль сыграли бомбардировки союзников. Собственно, победителями в этой войне стали США и советская Россия; Англия утратила свой имперский статус, а ее колонии перешли в руки американцев. И США, и СССР поставили в зависимость от себя многочисленные народы, при этом модель советского империализма была, если сравнивать ее с американским образцом, менее изощренной: США предпочитают тактику не прямых действий, используя подкуп должностных лиц и идеологические диверсии, они действуют изнутри, разлагая и деморализуя противника. Советы, если что не так, сразу пускают в ход танки: вспомним берлинские события 1953 года, Венгрию в 1956 году и т.д. Но любая форма империализма уже изначально несет в себе семена своего упадка: поработанные народы в своем стремлении к независимости оказывают сопротивление повсеместно, а силы, призванные сплотить имперский конгломерат, неизбежно приобретают центробежный характер. Именно эти силы, исходящие от народов, которые еще до 1945 года были независимыми, привели Советский Союз к распаду: на сегодняшний день Россия – за счет отхода от нее пограничных земель – занимает меньшую территорию, чем царская Россия в свое время. В случае возникновения оси Берлин-Москва, подобная эрозия была бы невозможной: безопасность русских границ оставалась бы незыблемой, войска НАТО просто не смогли бы к ним приблизиться. Необходимой предпосылкой такого союза должна стать сильная Германия, которая сама, а не по указке из Вашингтона, заботится о своей безопасности.

В геополитическом плане подобная ось представляет интерес, если Россия хочет иметь надежный рудут на западном направлении, а Германия стремиться – при поддержке России – вернуть себе исконно немецкие земли, которые Советы в 1945 году отдали во владение Польши и Чехии.

Экономическое сотрудничество между нашими странами также может иметь хорошие перспективы. Германия бедна полезными ископаемыми, а вот что касается промышленного производства, то в некоторых областях (например, машиностроение) наша страна занимает ведущее место в мире. Россия, напротив, имеет большой запас природных ресурсов. Учитывая конкуренцию на мировом рынке и, в первую очередь, конкуренцию с американскими товарами, такое положение вещей создает необходимые предпосылки для плодотворного и долгосрочного сотрудничества между Россией и Германией: в отличие от США, которые всячески препятствуют ввозу, например, немецкой стали на свой внутренний рынок, немцам и русским здесь делить нечего, наоборот – мы отлично дополняем друга.

У России и Германии есть точки соприкосновения и в военной сфере: русские за-

нимают передовые позиции в области ракетостроения, немцы создают отличную бронетехнику. Вместо того, чтоб выбрасывать миллиарды евро на создание собственной тяжелой транспортной авиации, нам следовало бы покупать самолеты в России. Русским, если они хотят что-то противопоставить американскому господству на море, давно пора привести в порядок свой подводный флот. И здесь сотрудничество могло бы пойти нашим странам на пользу: не секрет, что и подводные лодки в Германии строить умеют.

Давно известно, что прочность межнациональных отношений определяется общностью интересов тех или иных народов. Это правило распространяется и на сферу внешнеполитической деятельности. На своих восточных рубежах Россия испытывает нарастающее давление Китая – нелегальная миграция из этой страны грозит в недалеком будущем превратить Сибирь в китайскую провинцию. На Юге России – страны ислама, которые всеми силами поддерживают Чечню и другие народы Кавказа. Для того, чтобы нейтрализовать их влияние и завоевать расположение арабских государств, России следует стать на сторону палестинцев в их борьбе с Израилем и теснее сотрудничать с Сирией и Ираном в их противостоянии с США. Именно в этом основной вектор политики Путина в этом регионе – политики, которую я оцениваю как разумную и взвешенную. На кого после этого сможет опираться Чечня? На Центральное разведывательное управление... Что касается политики США, то она направлена на изоляцию России, на отторжение от нее и дробление южных и западных регионов. Для этого американцам необходим плацдарм, роль такого плацдарма сегодня играет Германия. Понятно, что в случае образования русско-германского альянса – и выхода Германии из НАТО – баланс сил изменится кардинально. Польша – американский вассал в Европе – не сможет больше выполнять возложенную на нее миссию: для этого Германии достаточно просто закрыть свое воздушное пространство для авиации США.

На кого еще стоит обратить внимание? Турция имеет в Европе определенный политический вес, поддерживая тюркские народы, она всегда тяготела к США и проводила анти-русскую политику. С точки зрения русских – Турция неподходящий союзник. Политический вес Италии исчезающе мал, Великобритания – довесок США, который, растеряв свой собственный авторитет, всеми силами стремится оставаться в кильватере американской внешней политики: ведь только так англичане могут сохранять свои великодержавные иллюзии. Блер не просто «шестерка» американского президента: Великобритания последовательно проводит анти-европейскую политику, это заставляет англичан вновь и вновь обращаться за поддержкой к США. Такую поддержку Англия получает, и вряд ли она променяют ее на более тесные отношения с Россией. Франция – это особый случай, в разные периоды своей истории она выступала то союзником России, то ее противником. Франция, как и Польша – католическая страна, их сближает единая вера. В то же время, мы не должны забывать, что Польша – с точки зрения Франции – удобный инструмент в ее борьбе с Германией: так было, так есть и вряд ли здесь что-то изменится. Достаточно вспомнить события 1919 – 1920 годов или работу совместной франко-британской военной комиссии, которая в июне – августе 1939 года пыталась создать анти-германский блок: Россия была готова пойти на это при условии предоставления ей права свободного прохода через польские территории – это предложение французская сторона категорически отвергла. В свою очередь Польша рассматривает США как своего наиболее мощного союзника. И это понятно: влиятельные американцы польского происхождения (не забывая о своем происхождении) всеми силами стремятся наладить конструктивное сотрудничество на польско-американском направлении.

До тех пор, пока США остаются единственной мировой державой, Россия может рассчитывать на партнерские отношения с Китаем. В то же время остается открытым целый ряд вопросов, в частности, вопрос о форме такой коалиции: Китай имеет значительный человеческий ресурс, но не обладает достаточным запасом природных ископаемых, с другой стороны, никогда в своей истории Китай не проводил имперскую политику, такого опыта у китайцев попросту нет. Отношения Китая и Индии никогда не были простыми, поэтому еще во времена Советского Союза Индия всегда стремилась к партнерским отношениям с СССР. По-видимому, такая тенденция будет сохраняться и в будущем, но, учитывая относительно низкий интеллектуальный уровень индийцев, слабо развитую инфраструктуру страны и государственных институтов в целом, легко можно предположить, что в политическом смысле Индия никогда не сможет играть первую скрипку в регионе. Здесь следует учитывать еще и вот что: этническая пестрота индийцев – еще один немаловажный фактор, который дестабилизирует ситуацию внутри страны.

Таким образом, в числе возможных союзников России оказываются лишь Германия и Япония: эти страны обладают необходимым экономическим и, при необходимости, военным, потенциалом. Камнем преткновения в отношениях России и Японии стали Курильские острова: врожденная гордость не позволяет японцам смириться с этой географической потерей. Возможно, в интересах России первой распрощаться с Курилами: ни в стратегическом, ни в хозяйственном отношении они особого значения не имеют. В то же время – и учитывая те территориальные потери, которые Россия понесла в последние 15 лет – возможность успешного проведения такого непопулярного решения в жизнь представляется с внутривнутриполитической точки зрения весьма сомнительной.

Остается Германия. Русские понимают, что блок умеренных консерваторов ХДС/ХСС и немецкие либералы в лице СвДП не склонны с ними сотрудничать. О ценностях, которые защищает ориентированная на Запад СвДП, находящаяся к тому же в руках «вольных каменщиков», мы знаем – это ничем не ограниченный рынок, глобализация, космополитизм. Если говорить о ХДС, то в рядах этой партии уже как бы и не осталось немцев... Условно говоря, мы имеем здесь дело с атлантистами и франкофилами: первые действуют по указке своего заокеанского хозяина, вторые – в интересах нашего южного соседа. Но и те и другие, подчиняя интересы Германии интересам западного сообщества, последовательно пренебрегают интересами своей собственной страны. За примерами далеко ходить не надо – достаточно вспомнить первые шаги госпожи Меркель на международной арене. Что касается сотрудничества с Россией, то СДПГ, Зеленые и другие партии левого толка куда больше склонны к нему: обоюдную пользу, которую наши страны могут извлечь из такого сотрудничества, наглядно продемонстрировали годы правления канцлера Шредера. Национальные партии Германии последовательно следуют антиамериканским курсом, и это понятно: в двух мировых войнах США были противником нашей страны, участие Америки решило исход этих войн не в нашу пользу. Исключение здесь, пожалуй, лишь республиканцы, которые, в угоду христианским демократам, позиционируют себя как обще-германский аналог ХСС. Более того: на мировой арене США делают ставку на агрессивную, империалистическую политику, которая никоим образом не учитывает интересы других народов – в том числе и немецкого. Партнерские отношения с кем бы то ни было после 1945 года никогда не были приоритетом американской внешней политики, вассальная зависимость Германии, диалог с позиций силы, бряцанье оружием – это те атрибуты политики Вашингтона в отношении нашей страны, которые

нам всем слишком хорошо знакомы. Понятно, что в таких союзниках мы не нуждаемся. Наше сотрудничество с США в условиях противостояния Запада и коммунистического блока, который сам стремился к мировому господству, было необходимым условием сохранения равновесия в мире. Сегодня это уже история. Даже потому, что влияние сионизма внутри самой Америки сильно как нигде в мире (а ведь сионисты к Германии симпатий не испытывают), эта страна всегда будет мешать немцам проводить свою собственную политику – политику, направленную на защиту наших национальных интересов. Вот почему, когда речь заходит о сотрудничестве с Германией, русским стоит обратить пристальное внимание на то, что условно можно назвать «национальной картой». Сильная, знающая себе цену и национально ориентированная Германия – это идеальный союзник России.

А как видится ситуация, если смотреть на нее из Германии? Президент Польши в 1990 году заявил, что Германия, если она попробует поднять голову, будет уничтожена – для этого у ее противников есть и желание, и силы. Франция, Великобритания и Италия всеми доступными способами препятствовали объединению нашей страны. Для того, чтобы уломать Францию, нам пришлось отказаться от собственной валюты, согласие американцев было куплено нашим отказом от немецких земель, которые ныне занимают поляки. Первый генеральный секретарь НАТО формулировал задачи своей организации с солдатской прямоотой: «не выпускать американцев наружу, русских не пускать внутрь, а немцам не дать подняться». Германии надо опуститься на колени, чтобы Вашингтон обратил на нее внимание. Единственная сила в Европе, которая имеет вес, и на которую мы можем рассчитывать – это Россия. Нам нечего делить с русскими – об этом уже говорилось выше. То, что разделяет наши народы – это ничто по сравнению с тем, что нас объединяет. Имея за спиной Россию, мы наконец сможем идти собственным курсом, курсом, направленным на защиту наших собственных, национальных интересов. Будь у нас такой союзник, и все те соглашения, которые связывают нас сегодня по рукам и ногам, мы бы просто выбросили на свалку истории: Евросоюз, Договор об экономическом сотрудничестве в Европе, Маастрихтские соглашения, евровалюта, дотации из Берлина, на которые живет вся Европа, оккупационные войска США...

Этническая и расовая близость – это то, о чем нам, не в последнюю очередь, тоже следует помнить. Как правило, народ состоит из представителей нескольких рас. Для определения их совместимости расовое сродство необходимо исследовать следующим образом: определить процентный состав той или иной расы в рамках одного народа, после чего сравнить его с аналогичным показателем в другом. Меньшая величина из двух полученных также учитывается при определении общей картины. Таким образом – суммируя меньшие величины – мы можем составить представление о наличии той или иной расовой доминанты в составе того или иного народа.

Исследования в области типологии рас после 1945 года не проводятся – расология как наука на Западе либо замалчивается, либо подвергается систематической травле. Один из результатов Второй мировой войны – это значительная утрата нордической составляющей немецким и русским народом. И в то же время, не подлежит сомнению тот факт, что в расовом смысле и Россия, и Германия практически идентичны: исключение здесь составляет Рейнская область, в которой сильны влияния средиземноморской крови (в России таких влияний нет), в то же время в России можно отметить незначительные, но все же имеющие место следы монгольского влияния (так сложилось исторически, что русским приходилось делить свое жизненное пространство не только с гуннами, но и с представи-

телями тюркских народов – по понятным причинам, подобных прецедентов Германия не знала).

Что касается остальных расовых элементов, то для наших народов они общие, при том, что в обеих странах доминирующей является нордическая и фальская составляющие. Восточно-балтийская раса представлена в России более полно, чем в Германии. В то же время, в Германии в процентном отношении преобладает альпийская, или восточная, кровь; следы динарской и средиземноморской крови также прослеживаются в Германии четче, чем в России. Мои исследования в области расологии позволяют утверждать, что коэффициент родства русских и немцев составляет как минимум 75 % – это очень высокий показатель, если мы говорим о совпадении различных расовых элементов в рамках того или иного народа. Многие факты, как-то: музыкальность наших людей, душевность и проч., косвенно подтверждают эти выкладки.

Данный показатель значительно превосходит те результаты, которые мы получаем при сравнении немцев с другими нациями Запада. Объяснение здесь может быть только одно: колониальное наследие и те последствия, которые этот груз имел для расовой чистоты метрополий. Миграция цветных и их смешивание с автохтонами привело к драматическим потерям среди последних, к утрате ими своей расовой чистоты. Русские на сегодняшний день – один из самых белых народов планеты. Тому есть несколько причин, но главная, пожалуй, это замедление миграций в самой стране, при том, что основным центром притяжения для чуждых русским в расовом отношении меньшинств стала столица России. Понятно, что открытие немецких границ в сторону России и усиление контактов Германии и России не имело бы для нас в расовом отношении никаких негативных последствий. Этого нельзя сказать, когда речь заходит о границах с Италией, Францией или Великобританией, расовое тождество которых на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

В силу этого – не в последнюю очередь – союз между Россией и Германией представляется мне идеальным. И все же я остановлюсь на тех моментах, пусть даже и незначительных, которые в состоянии омрачить эту идиллию.

Авторитету России наносит значительный ущерб политика немецких СМИ, которые, в большинстве своем, находятся в руках чуждых Германии сил. Нам нередко приходится слышать о «русской мафии», «спекулянтах» и проч. А расхожее словосочетание «организованная русская преступность» стало в последние годы просто притчей во языцех. Стоит, однако, внимательней взглянуть на лица (и имена) тех, о ком идет речь в сообщениях газет, радио и телевидения, и становится ясным, что мы имеем здесь дело – по преимуществу – с лицами нерусской национальности, которые оказались в Германии после 1990 года. Забавная деталь: их статус на немецкой земле – это статус «контингентных беженцев», и это несмотря на то, что преследованиям их никто не подвергал, а боевых действий (со всеми сопутствующими им тяготами и лишениями) в тех местах, откуда эти переселенцы к нам прибыли, не велось. Количество таких «беженцев» на сегодняшний день составляет в Германии до 230000 голов, а тенденция к росту их числа, увы, сохраняется. Далее: до 80 % этих переселенцев существует на социальные выплаты и пособия, которые им предоставляет немецкое государство; для создания комфортных условий им предоставляется жилплощадь, строятся молельные дома, школы, создаются прочие элементы чуждой немцам инфраструктуры. Понятно, что эти расходы тяжелым бременем ложатся на

плечи именно немецких налогоплательщиков. Понятно также, что мы должны выработать решение, которое оградит нас от этого потока. Ведь такое положение дел формирует у немцев крайне отрицательный образ России и русских.

Россия и Германия обязаны найти взаимоприемлемое решение по вопросу Восточной Пруссии и Калининграда. Восточная Пруссия – на протяжении последних 700-а лет – неотъемлемая часть Германии. В университете Кенигсберга преподавал немецкий философ Эммануил Кант, а позже – выдающийся этолог Конрад Лоренц, который внес неоценимый вклад в науку о поведенческих матрицах разных народов. Это наша, немецкая история, от которой мы не можем отказаться.

С другой стороны, русские, волею судеб оказавшиеся в этих краях, ни в коем случае не должны подвергаться гонениям. Думается, размеры этого региона дают нам все основания с оптимизмом смотреть в будущее: места, как говорится, хватит всем.

В декабре 1924 года декретом ВЦИК СССР была создана Автономная ССР немцев Поволжья. Война, начавшаяся в июне 1941 года, отразилась и на судьбе этих людей – эта судьба оказалась непростой: возвращаясь из сталинских лагерей, этнические немцы не всегда могли вернуться на уже обустроенные земли. Возникает вопрос: почему тем немцам, которые не стремятся перебраться на жительство в Германию, мы не можем предоставить под заселения земли Восточной Пруссии? Северная часть этой провинции вполне может стать автономной немецкой областью с узаконенным двуязычным управлением и со статусом свободной экономической зоны. Без всяких сомнений, введение такого статуса имело бы для России в экономическом плане большие преимущества. Есть немалое число немецких переселенцев из России, которых отношение моих соотечественников, не обладающих достаточно развитым расовым чувством, шокирует: в России они были «немцами», в Германии они превратились в «русских». Многие размышляют в этой связи о необходимости возвращения обратно в Россию. Есть и такие, которые вообще не собираются покидать Россию – так, например, верующие менониты не желают подвергать своих детей испытаниям, с которыми те столкнутся на уроках семейной жизни или, как их обычно у нас называют, уроках полового воспитания; да и другие предметы, включенные в школьные программы ФРГ, не находят у них понимания. Для этих людей Северо-восточная Пруссия могла бы стать новой Родиной. Почему бы русскому правительству не заняться этим вопросом? Ведь дело реальное и с дальним прицелом: установление совместного русско-германского правления на этой территории – как это было предусмотрено в Сааре в середине 50-х. Такая автономии могла бы стать не только связующим звеном между нашими странами, но и гарантией взаимной ответственности, и залогом добрососедских отношений на долгие годы – а ведь именно таких отношений я и желаю нашим народам!

Вопрос о произведениях искусства, захваченных в качестве трофеев. Немецкая сторона требует их возвращения. Как правовед сразу замечу: здесь необходимо различать государственную и частную форму собственности. Государственная собственность – это законная добыча победителя, он может захватывать ее ни перед кем не извиняясь, для того и войны. Что касается частной собственности, то отношение к ней победившей стороны регулирует Гаагская конвенция 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны». Германия всегда действовала в соответствии с этими договоренностями, остальные участники войны нет. Советы вообще никогда не соблюдали этой конвенции, потому что к ней Советский Союз так и не присоединился [прим. пер.: На 1-й и 2-й мирных конференциях в

Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны. Всего было принято 16-ать конвенций и выработано 4-и декларации. 1-я Гаагская конференция 1899 года, в которой участвовало 27 государств, была созвана по инициативе царской России]. Английские солдаты «освобождали» немцев по мелочам: от ювелирных изделий, часов, столового серебра – так же поступали и красноармейцы. Американцы сосредоточили свое внимание в первую очередь на произведениях искусства, промышленной и интеллектуальной собственности (патентный фонд и авторские права) и на зарубежных активах Германии, которые сначала были взяты под арест, а затем присвоены Америкой. Когда мы сегодня отправляемся в Лувр, то большая часть экспонатов, которые мы там видим – это трофеи Наполеона, собранные им по всей Европе. Несколько лет назад в Гейдельберге проходила экспозиция «Гейдельбергской библиотеки». В этой связи необходимо вспомнить предысторию, а она такова: в 17-ом веке французские короли из династии Бурбонов-Наваррских совершали регулярные набеги на Юго-Запад Германии [прим. пер.: имеются ввиду Людовик XIII (1610-1643) и Людовик XIV (1643-1715), известный еще как «король-солнце»]. Во время одного из таких набегов и была захвачена Библиотека замка Гейдельберг. Позже она была передана в дар католической церкви, а сегодня мы должны радоваться, совершая обход выставки, которую Папа Римский изволил привезти в Германию.

Короче: русские могут оставить себе то, что они хотят себе оставить. Законотворчество думцев, которые объявили трофейные произведения искусства собственностью государства, здесь ничего изменить не в силах.

У нас в этом плане нет претензий, мы не рассчитываем что-либо вернуть обратно. Ну а если рассматривать эту ситуацию с позиций улучшения именно русско-германских отношений, то, наверное, русскому правительству стоит вернуть Германии хотя бы часть трофеев. Схема передачи может быть неформальной: никаких контрактов и предварительных условий, напротив, консул России поэтапно возвращает утраченные предметы искусства в те города и веси, откуда они были извлечены победителями в ходе боевых действий – с соблюдением праздничного церемониала, с подробным освещением в СМИ. Нет сомнений, что такая акция найдет самый живой отклик в немецких сердцах. Я уже не говорю о том, что все эти произведения искусства, книги, рукописи, картины и проч. хранятся из рук вон плохо. Несоблюдение элементарных норм хранения приведет в конечном итоге к тому, что это достояние будет безвозвратно потеряно и для нас, и для русских.

Возвращать имеет смысл те предметы, которые были созданы немцами или их предшественниками: книги, рукописи или картины, например, Каспара Давида Фридриха [прим. пер.: Каспар Давид Фридрих (1774-1840) – немецкий художник-романтик, один из крупнейших представителей этого направления в живописи Германии]. Наверняка, в каком-нибудь русском спецхране мы найдем Золотое сокровище Эберсвальда и другие золотые изделия периода истории первобытного общества на территории Германии, которые оказались в России после войны. Все, что так или иначе связано с историей Германии должно быть по возможности возвращено.

С другой стороны, те предметы, которые не имеют для немцев исторической ценности, могут быть оставлены в России – как символ ее победы. Наиболее значительными археологическими находками, перемещенными, как принято говорить, в связи с войной, можно считать сокровища, которые открыл Генрих Шлиман. Собственно, Шлиман, открыв

Трою, совершил настоящий переворот в археологии: сообщения античных авторов о Троянской войне он принял всерьез, сделав тем самым неопределимый вклад в развитие современной науки о древности. Вот почему для немцев историческая ценность этих сокровищ неоценима. Но именно по этой причине мы можем позволить себе оставить их в Москве.

Что меня тревожит? Те конфликтные вопросы, которые существуют между нашими народами, необходимо решать!

И в заключении несколько слов о себе: будучи 18-им подростком, я стал активным участником организации «Акция Одер-Нейсе», которая выступает за ревизию послевоенных границ Германии на Востоке. Мои предки родом из Западной Германии, но для меня этот вопрос имел и моральный оттенок: мне было стыдно смотреть в глаза своим соотечественникам, которых немецкая государственная машина просто бросила на произвол судьбы. Двумя годами позже я возглавил нашу организацию на федеральном уровне, став заместителем председателя и руководителем трех земельных союзов. Но и низовой работы я по-прежнему не чурался – собственноручно изготавливал и распространял листовки АкОН. Я уверен, что в архивах тех организаций на Востоке, которые профессионально заняты охраной государственной безопасности, найдутся документы, которые подтверждают эти факты. В те годы меня согревала надежда, что опираясь на поддержку Соединенных Штатов (где так любят говорить о «свободе» и «праве на самоопределение»), нам удастся достичь поставленных целей. Ознакомление с внутренним механизмом тех уступок, которые были сделаны нашей страной, заставило меня изменить мое отношение к этому вопросу. Бисмарк как-то заметил, что «политика есть искусство возможного». Восточная Пруссия не сможет стать немецкой землей вопреки воли России. Вот почему нам необходимо наконец приходить к взаимному согласию.

В истории так было всегда: когда народы Германии и России работали вместе, это шло им только на пользу. Давайте продолжим эту добрую традицию, давайте работать во имя нашего общего будущего!

Гамбург, февраль 2006 г., Юрген Ригер

Перевод с немецкого: Петр Кузьмичев

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).